

А. В. Дмитриев

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск, Россия)

**СТАТУСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ
НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVIII В.: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ***

Статья посвящена изучению политического и социального положения аборигенов Сибири, находившихся на русской государственной службе с конца XVI по начало XVIII в. Опираясь на современную концепцию политической социализации, автор выявляет несколько моделей адаптации представителей коренных сибирских этносов к условиям жизни и службы под властью Русского государства. Установлено, что при оценке статусного положения аборигенов Сибири, находившихся на службе русским властям, необходимо принимать во внимание как социально-политические, так и финансово-экономические и религиозные параметры. Это позволяет сделать вывод о том, что политика русской государственной власти в отношении аборигенов Сибири на протяжении рассматриваемого периода носила гибкий характер, учитывая не только интересы государственной обороны и казны, но и особенности этнополитического положения в среде автохтонного сибирского населения, что определенно ускоряло процессы политической социализации среди аборигенов.

Ключевые слова: политическая социализация, государственная служба, аборигены, власть, Россия, Сибирь.

Русская государственная власть, утверждаясь и укрепляясь на территории Сибири, почти сразу же после похода Ермака стала привлекать на службу и активно использовать в своих целях представителей разных этнических групп местного населения — как социальной верхушки, так и низших страт. Фактические данные, свидетельствующие о ходе этого процесса, уже давно введены в научный оборот, поэтому достаточно хорошо известны исследователям¹. Однако вплоть до настоящего времени, насколько нам известно, не предпринималось попытки детального анализа тех особенностей, которыми отличались положение и социальный статус аборигенов, состоявших на государственной службе, в различных регио-

нах Сибири с конца XVI по начало XVIII в. Если, например, исследователями уже уделялось специальное внимание восприятию сибирскими аборигенами принципов деятельности русской государственной власти и складыванию в их сознании на основе постоянных контактов с русскими определенных образов и стереотипов², то относительно проблемы политической социализации, т. е. процесса формирования ценностей и передачи политической культуры следующим поколениям³, применительно к рассматриваемому периоду, да еще в сибирских условиях, этого сказать уже нельзя. Между тем зачисление на государственную службу неизбежно оказывалось для любого представителя сибирских автохтонных этносов весьма эффективным средством адаптации к изменившимся условиям политической жизни. Не претендуя в рамках данной публикации на окончательное решение поставленной проблемы, постараемся наметить некоторые критерии адекватных оценок политического положения и социального статуса, характерных для тех аборигенов

ISSN 2412-8945. Развитие территорий. 2015. № 2.
© А. В. Дмитриев, 2015

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00027.

¹ См., например: *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 153—175; *Гемуев И. Н., Люцидарская А. А.* Служилые угры (один из аспектов русско-угорских отношений в XVI—XVII вв.) // Гуманит. науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. 1994. № 3. С. 63—67; *Перевалова Е. В.* Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 32—62; *Тычинских З. А.* Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII—XIX вв.). Казань, 2010. С. 46—77; *Зуев А. С., Люцидарская А. А.* Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI — начале XVIII века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 52—69; *Дмитриев А. В.* Военное сотрудничество русской государственной власти и народов Сибири в конце XVI — начале XVIII в.: типовые модели и их практическая реализация // Историч. ежегодн. 2013. Новосибирск, 2013. Вып. 7. С. 210—223; *Люцидарская А. А.* Инкорпорация сибирских аборигенов в государственные структуры России // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 1: История. С. 33—41.

² См., например: *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007. С. 170—184; *Шерстова Л. И.* Представления о «чужих» в ментальной традиции аборигенов Южной Сибири // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 186—245; *Зуев А. С.* Механизмы адаптации сибирских народов к российской власти во время присоединения Сибири к России (конец XVI — начало XVIII века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8. С. 57—71.

³ О месте политической социализации в жизни как индивидов, так и социальных групп см. прежде всего: *Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор* / Г. Алмонд и др. М., 2002. С. 105—115.

Сибири, которые предпочитали связать свою судьбу со службой Русскому государству.

На территории Северо-Западной Сибири в конце XVI — первой половине XVII в. русская государственная власть предпочла сохранить устойчивые потестарно-политические объединения, сложившиеся у здешних этносов за предшествующий исторический период. Прежде всего речь идет о так называемых княжествах: Кодском, Ляпинском и Обдорском — у хантов (остяков), Кондинском — у манси (вогулов). Причины, которыми было обусловлено такое решение, носили как экономический, так и военный характер. Во-первых, с целью максимального сбора ясака — главной ценности для государственной казны на всех сибирских землях — «достаточно прочные и лояльные к правительству группы коренного населения считали за лучшее сохранить в неизменном виде»¹. По мнению Е. В. Переваловой, «осознавая влияние местных князей и не имея возможности полного их подчинения, российское правительство оставляло за ними властные полномочия, требуя лишь исправного внесения ясака»². Во-вторых, как справедливо утверждал в свое время еще С. В. Бахрушин, военные силы этих аборигенных княжеств активно использовались русскими для утверждения своей власти в регионе. Перечисляя военные походы, в которых принимали участие воины Кодского княжества, исследователь приходит к выводу, что «крупная роль кодских остяков в деле покорения Сибири не подлежит сомнению», а «список походов, в которых участвовали войска князей Алачевых, показывает, насколько существенна была военная помощь Коды русскому завоеванию»³. Однако каким образом можно квалифицировать политическое положение населения этих княжеств и особенно их элит по отношению к Русскому государству? Однозначного ответа на этот вопрос пока нет.

В настоящее время вряд ли можно согласиться с категорическим высказыванием С. В. Бахрушина: «Между московским государем и кодским князем сложились своеобразные отношения, напоминающие отношения между мелким вассалом и его сеньором. За свою службу и “кровь” кодский князь получал в возврат от признанного им сеньора — государя московского — свои “родственные вотчины” уже в качестве пожалования, на правах условного владения; вместе с тем государь принимал Коду под свой патронат и обязывался “беречь” своего вассала»⁴. Кроме того, при-

менение терминологии, восходящей к западноевропейскому Средневековью, к соответствующим периодам отечественной истории ныне признано нецелесообразным. Критерий, которым оперировал автор, оказывается далеко не всегда применим к оценке положения аборигенов, задействованных в сфере государственной (прежде всего военной) службы. Так, С. В. Бахрушин выделял среди поданных кодских князей Алачевых «класс служилых остяков», противопоставляя их другим группам западносибирских хантов, платившим ясак: «Неплатеж ясака и был отличительным признаком служилого остяка. Взамен ясака служилые остяки обязаны были нести военную службу»⁵. Однако, как будет показано нами далее, в некоторых случаях этот критерий не срабатывал — служба не исключала ясачного платежа. Выделять же право суда и право сбора дани, которыми обладали кодские и обдорские князья, в качестве «характерных признаков политической самостоятельности», по нашему мнению, также не совсем правомерно, поскольку, как указывает В. В. Трепавлов, «судебные прерогативы, формальное невмешательство государственных органов во внутреннюю жизнь волостей и опора воеводской администрации на местную знать позволили превратить ее в прочное звено управления народами Сибири»⁶.

Е. В. Перевалова, ранее склонявшаяся к мысли о том, что «находясь под номинальной властью Русского государства, остяцкие и вогульские княжества продолжали сохранять независимость»⁷, впоследствии выдвинула следующий тезис: «В ходе русского продвижения по Западной Сибири вольно или невольно через туземных князцов расширялась “государева вотчина”, т. е. совершался акт огосударствления земель»⁸. Анализируя содержание царских жалованных грамот, адресованных московскими монархами туземной политической элите, она отмечала «желание русских государей “пожаловати” и “под свою руку взяти” туземных князцов и подвластное им население. Князцы же обязывались царю “служити”, “лиха не чинити” и “дань давати”»⁹. Здесь, как мы видим, ни о какой политической самостоятельности речи уже не идет. А. С. Зуев использует для характеристики статуса подобных политических объединений термин «протекторатные отношения», подчеркивая, что в данном случае происходило «кардинальное перераспределение властных полномочий и прав на землю (верховным правителем, собственником земли и получателем дани-ясака стал русский царь)»¹⁰.

¹ Трепавлов В. В. Указ. соч. С. 172.

² Перевалова Е. В. Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. Вып. 1. С. 158.

³ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935. С. 49—50. Также см.: Вершинин Е. В., Шаиков А. Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 12—26.

⁴ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 52.

⁵ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 44.

⁶ Трепавлов В. В. Указ. соч. С. 173.

⁷ Перевалова Е. В. Северные ханты... С. 36.

⁸ Перевалова Е. В. «Белый царь» в угорско-самодийской традиции // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 157.

⁹ Перевалова Е. В. «Белый царь»... С. 158.

¹⁰ Зуев А. С. Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI — начале XX в. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2011. 188 с. С. 79.

Кроме того, он не без оснований отмечает, что русская власть присваивала аборигенной верхушке княжеские титулы исходя из собственных представлений о связанном с ними социальном статусе, а отнюдь не из реального положения тех или иных лиц в структуре местных этнических сообществ: «Вступив в постоянные контакты с остячками и вогульскими “вождями”, русские, не имея еще должного представления об их реальной власти над “сородичами” и вариантах ее перехода от одного лица к другому, посчитали их вполне полновластными правителями крупных политических объединений, почему и стали титуловать князьями»¹. Таким образом, мы вправе заключить, что положение таких потестарно-политических объединений, их элит и основной массы населения уже в рамках государственной территории России хотя и отличалось рядом своеобразных черт, однако не имело тех характеристик, которые позволяли бы говорить о политической независимости, тем более что с течением времени русская власть предпочла ликвидировать большую их часть.

Другой группой аборигенов, массово поступавших на службу в Западной Сибири, стали так называемые юртовские татары — представители этноса сибирских татар, занимавших привилегированное положение в Сибирском ханстве до разгрома этого государства казаками Ермака. Уже с конца XVI в. они составляли заметную долю в военных гарнизонах трех крупнейших русских городов региона: Тобольска, Тюмени и Тары². С. В. Бахрушин отмечал, что после поражения последнего сибирского хана Кучума «местная военная знать безболезненно перешла на царскую службу, переменяв без резкого прерыва одного господина на другого»³. По мнению З. А. Тычинских, «подобная ситуация наблюдалась и в других покоренных Русским государством постзолотоордынских ханствах — Астраханском и Казанском»⁴. Вероятно, можно согласиться с упомянутыми авторами в том, что стремление русских властей приобрести себе таким путем надежную опору обуславливалось прежде всего соображениями военно-политической целесообразности. Не стараясь перекраивать на свой лад образ жизни юртовских татар (достаточно заметить, что подавляющее большинство среди них продолжали исповедовать ислам, и это несмотря на исключительную важность именно религиозного индикатора для политической идентификации в условиях XVII в.!), власти тем не менее постоянно держали эту категорию лиц под прямым контролем: «Юртовские татары образовывали в каждом городе особый корпус, во главе которого стоял назначенный правительством русский чиновник — “татарский голова”. Татарский голова не

только командовал служилыми татарами во время походов, он ведал ими и в мирное время... На нем лежала обязанность “их судить и расправы меж ими чинить”... Он следил за их политической благонадежностью... служил также посредником между татарами и русскими»⁵. Впрочем, следует заметить, что случаи «шатости» или прямой измены среди служилых татар с самого начала были редкостью. З. А. Тычинских смогла насчитать менее десятка эпизодов, относящихся еще к первой трети XVII в. и не имеющих сколько-нибудь серьезных негативных последствий для отношений юртовских татар с русскими властями⁶. Взгляд правительства и русских переселенцев на этих людей всецело отражен в следующих словах П. А. Словцова: «Татары Тобольского разряда всегда были покорны законам... добрые служивые, всегда честны и дружелюбны»⁷.

В материальном отношении положение юртовских татар практически ничем не отличалось от положения других категорий русского служилого населения «по прибору»: стрельцов, казаков и др. Точно так же, получая «государево жалованье», они исполняли разного рода «службы»: принимали участие в военных походах, выполняли дипломатические и разведывательные поручения, отвечали за ямскую гоньбу. Правда одну специфическую особенность все же следует отметить: как установил Н. И. Никитин, служилые татары почти не получали одного из трех видов жалованья — хлебного. По мнению исследователя, данное обстоятельство «несомненно, сближает служилых татар с ясачными, придает их службе черты повинности, заменяющей ясак. Повидимому, здесь мы сталкиваемся с распространенной в Сибири практикой фактического вычитания суммы ясачного оклада из жалованья служилых, набранных из коренного населения»⁸. Уже упоминалось, что зачисление на государственную службу не всегда сопровождалось для аборигенов освобождением от уплаты ясака, чему есть конкретные примеры. Так, С. В. Бахрушин отмечал, что первая же попытка обложить ясаком служилых татар, предпринятая на рубеже XVI—XVII вв. тобольской администрацией, вызвала резкий отпор со стороны последних, в результате чего царской грамотой был подтвержден «тарханный» статус служилых татар, т. е. личная свобода от уплаты ясака, а также от ряда других налогов⁹.

Юртовские татары располагали собственными земельными владениями, причем на индивидуальном, а не коллективном (общинном) праве. Их владельческие привилегии подтверждались российскими властями, как, например, это про-

¹ Зуев А. С. Российское государство и народы Сибири... С. 80.

² Сведения о численности юртовских татар в этих гарнизонах см.: Тычинских З. А. Указ. соч. С. 52—53.

³ Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары... С. 165.

⁴ Тычинских З. А. Указ. соч. С. 48.

⁵ Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары... С. 172.

⁶ См.: Тычинских З. А. Указ. соч. С. 58—60.

⁷ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 1. С. 155.

⁸ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 109.

⁹ См.: Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары... С. 167.

изошло в 1649 г., когда сыновья тюменского татарина Маитмаса Ачекматова, оказавшего правительству в свое время много важных услуг¹, просили о защите их наследственной «вотчины»: «Тою де вотчиною после отца своего владеют они... и ныне де в той их старинной вотчине ловят всякие русские и ясачные люди насилством всякой зверь... и во всем их обидят»². Царской грамотой однозначно предписывалось «в той их вотчине никаким людем насилства не чинить, и от русских и ото всяких людей их оберегать»². В то же время сами юртовские татары довольно быстро смирились со своим новым политическим статусом и рассматривали себя как «слуг» русского монарха, прекрасно понимая, какие привилегии связаны с этим. Уже в самом начале XVII в. (1600 г.) тюменские служилые татары, например, прямо заявляли: «Все мы люди государевы»³.

Таким образом, в данном случае мы можем говорить о процессе политической социализации, протекавшем достаточно быстро и эффективно, облегчавшемся, конечно, и тем обстоятельством, что к моменту появления в Сибири казаков Ермака сибирские татары были единственным автохтонным этносом, уже обладавшим традициями развитой государственности.

Своего рода промежуточное положение между населением ханто-мансийских княжеств и служилыми татарами занимали представители нескольких немногочисленных этнических групп: еуштинцы и чаты в Томске, качинцы и аринцы в Красноярске⁴. Их представители также зачислялись на военную службу в городские гарнизоны наряду с русскими служилыми людьми, однако эта практика носила ограниченный характер и опять же далеко не всегда означала освобождение от ясачных выплат. Гораздо более активно местные власти привлекали целые отряды аборигенов для участия в крупных военных походах или для организации обороны этих городов от набегов враждебно настроенных кочевых соседей⁵. Можно вспомнить также о группах так называемых выездных белых калмыков (телеутов), относившихся к Томскому и Кузнецкому уездам. А. П. Уманский определял их статус следующим образом: «Они занимали особое место в общественно-политической системе Русского феодального государства — платили льготный ясак

царю, несли военную службу, за что получали “государево жалованье”, исполняли некоторые другие государственные повинности»⁶. Тем не менее большинство среди этих групп составляли все-таки ясачные люди, а число лиц, официально состоявших на военной службе в гарнизонах, никогда не превышало двух-трех десятков человек. Русские власти, как правило, не очень охотно прибегали к таким индивидуальным зачислениям на службу, хотя случаи подобного рода отмечены на протяжении рассматриваемого периода практически во всех регионах Западной, Южной и Восточной Сибири. При этом обязательным условием являлось принятие аборигенами православия: индикатор религиозного исповедания, как уже отмечалось, продолжал сохранять свою исключительную значимость для процесса политической социализации. Таких людей в русских официальных документах обозначали специальным термином «новокрещены».

В начале XVII в. (1603 г.) в г. Верхотурье крестились четверо из местных манси «Бай мурза, да Кулак, да Казак Артыбашевы, да Обайтко Комаев, а даны им имена: Баиму Павлик, а брату его Кулаку Иванко, а Обайтку Офонка, а Казаку Петрушка»⁷. Царской грамотой им предписывалось «нашу службу служить на Верхотурье, в стрельцах, на выбылых стрельцов место» с выдачей соответствующих окладов денежного и хлебного жалованья. В 1614 г. еще один верхотурский новокрещен Осип Шехирев просил о зачислении его в казаки и наделении жалованьем, поскольку все его «товарыщи новокрещены денежным и хлебным жалованьем поверстаны, и службу служат с верхотурскими казаки в ряд»⁸. Его челобитная была удовлетворена в 1615 г. Исключительную карьеру сделал выходец из енисейских киргизов, родственник знаменитого противника Русского государства князя Ереняка новокрещен Иван Айканов, еще в детстве попавший в плен, проживший затем всю жизнь в Красноярске и сумевший дослужиться здесь до чина сына боярского⁹. Как отмечается исследователями, «в своем быту он продолжал придерживаться киргизских обычаев и традиций, поддерживал тесные и разносторонние связи со своими соплеменниками... но одновременно хорошо усвоил русскую материальную и духовную культуру, проявляя, например, в случае необходимости умелую ориентацию в юридических нормах»¹⁰. Безусловно, подобные примеры свидетельствуют о хорошем восприятии и эффективном усвоении аборигена-

¹ О его службах см.: *Тычинских З. А.* Указ. соч. С. 61—62.

² *Дополнения к Актам Историческим (ДАИ)*. СПб., 1848. Т. 3. № 51. С. 174.

³ См.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 187.

⁴ См. о них: *Люцидарская А. А.* Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. XVII — начало XVIII в. Новосибирск, 1991. С. 56, 57; *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Науч. тр. М., 1959. Т. 4. С. 65—67.

⁵ Сводные данные об участии представителей этих групп аборигенов в боевых действиях на стороне российских властей уже приводились нами, см.: *Дмитриев А. В.* Военное сотрудничество... С. 212—214; *Его же.* Условия, формы и механизмы вовлечения аборигенов Сибири в военные действия на стороне русских властей в конце XVI — начале XVIII в. // *Историч. ежегодн.* 2014. Новосибирск, 2014. Вып. 8. С. 174—177.

⁶ *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1980. С. 187.

⁷ *Акты Исторические (АИ)*. СПб., 1841. Т. 2. № 43. С. 56. Об этом см. также: *Гемуев И. Н., Люцидарская А. А.* Указ. соч. С. 64—66.

⁸ *Акты Исторические (АИ)*. СПб., 1841. Т. 3. № 46. С. 41.

⁹ Его биографию см.: *Бахрушин С. В.* Енисейские киргизы в XVII в. // Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 185—186.

¹⁰ *Курилов В. Н., Люцидарская А. А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // *Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов.* Новосибирск, 1986. С. 39.

ми русских политических норм, пусть далеко не всегда приводящем к полной социальной и культурной ассимиляции.

В Восточной Сибири основным фактором, вынуждавшим русские власти записывать на службу крещеных аборигенов, была, конечно же, постоянная нехватка военных сил, связанная с малочисленностью служилого населения в городских гарнизонах. Данная тенденция была характерна как для Забайкалья, так и для регионов крайнего северо-востока Сибири (прежде всего Якутии). К концу XVII — началу XVIII столетия русские власти стали прибегать к практике зачисления целых групп аборигенов, принявших крещение, в состав служилых людей. Гарнизон Нерчинска в 1711—1712 гг. пополнили 20 человек из числа родственников уже состоявших на русской службе князей Гантимуровых, при этом даже не приняв крещения¹. В Якутии подобная практика отмечалась с 1670-х гг. Воевода А. Барнешлев за 1675—1676 гг. зачислил на «выбылые места» в гарнизон Якутска трех новокрещенов-якутов, оправдываясь тем, что в противном случае «на службы посылать будет некого»². Его преемник И. Приклонский в 1684 г. поверстал еще трех новокрещенов, а в 1681 г. в списке всех якутских служилых числились 26 представителей местного населения³. Однако даже при этом местные власти старались по мере возможностей не ущемлять интересы государственной казны. Распространенное представление о том, что, «будучи крещеным, ясачный человек приобретал полные права “гражданства”, прекращал платить ясак и, как государев служилый человек, получал жалованье натурой или деньгами»⁴, как мы уже отмечали, отнюдь не всегда оказывается соответствующим действительности при изучении конкретных случаев перехода аборигенов на русскую службу.

Скажем, при крещении в Москве тойона Кисикья Сахалтина (он получил имя Леонтия Львова) и пожаловании его в дети боярские казна нашла возможность вознаградить себя за потерю этого человека в качестве ясачноплательщика. Относительно его оклада жалованья указывалось: «Денег 7 рублей, хлеба 3 четверти... 3 четверти овса, 3 пуда соли. И ис того его окладу седьмой рубль велено зачитать за ясачную ево лисицу красную, что он плачивал в ясак»⁵. Таким обра-

зом, выясняется, что даже после зачисления на службу Львов продолжал считаться обязанным к уплате ясака, за что из его оклада жалованья ежегодно вычитался рубль в пользу казны. Есть и другие примеры подобного рода: новокрещен Иван Румянцев был поверстан в дети боярские еще в 1680 г., однако лишь в 1698—1699 гг. было принято решение «о переводе с него ясака на его племянника Модякая»⁶. Следовательно, далеко не каждый переход в ряды служилого сословия освобождением от ясачных платежей. Вместе с тем эти факты указывают на то, что и после зачисления на службу представители коренного населения могли сохранять довольно устойчивые связи со своими родственниками и соплеменниками. В связи с этим трудно до конца согласиться с характеристикой Ю. Слезкина: «Немногочисленные, оторванные от своих сородичей, вошедшие в состав определенного российского сословия, они не слишком долго оставались “новыми”... все “новокрещенные” должны были порвать со своими сородичами и переселиться к русским»⁷. Ряд примеров, приведенных нами, не согласуются с подобной оценкой. Другое дело, что именно такой путь обеспечивал наиболее быструю и эффективную политическую социализацию для конкретных лиц — именно через вхождение в социальные группы и классы происходит трансляция политических установок в сознание индивидуумов, модифицирующая их интересы и поведение⁸. Уже в следующем поколении потомки таких людей с точки зрения политической и этнической самоидентификации устойчиво ассоциировали себя с русскими.

Таким образом, мы можем заключить, что при оценке статусного положения аборигенов Сибири, находившихся на службе русским властям, необходимо принимать во внимание как минимум несколько параметров: социально-политический (признание русскими властями сложившихся у тех или иных этносов социальных и потестарно-политических структур); финансово-экономический (освобождение от ясачных платежей); религиозный (принятие христианского крещения). Все эти параметры должны быть в поле зрения исследователей при изучении ситуации в отдельных регионах восточной части Русского государства на протяжении рассматриваемого периода, а также при анализе индивидуальных случаев поступления сибирских аборигенов на службу с присущими каждому из них конкретными особенностями. Политика русских властей в отношении аборигенов Сибири в конце XVI — начале XVIII в. носила гибкий характер, учитывая не только интересы государственной обороны и казны, но и особенности этнополитического по-

¹ См.: Зуев А. С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1994. С. 14; Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. С. 56, 58.

² ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. № 136. С. 402. См. также: Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978. С. 63.

³ См.: Якутия в XVII в. (Очерки). Якутск, 1953. С. 313; Сафронов Ф. Г. Указ. соч. С. 65.

⁴ Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 56.

⁵ Цит. по: Иванов В. Ф. Русские письменные источники по истории Якутии XVIII — начала XIX в. Новосибирск, 1991. С. 39. См. также: Его же. Социально-экономические отноше-

ния в Якутии (конец XVII — начало XIX в.). Новосибирск, 1992. С. 147—148.

⁶ Иванов В. Ф. Русские письменные источники... С. 40; Его же. Социально-экономические отношения... С. 148.

⁷ Слезкин Ю. Указ. соч. С. 56, 58.

⁸ См.: Сравнительная политология сегодня. С. 111—112.

ложения в среде автохтонного сибирского населения, что в определенном смысле ускоряло процесс политической социализации для последнего.

Данный тезис, по нашему мнению, может и должен найти свое подтверждение в ходе дальнейшей разработки поставленной проблемы.

A. V. Dmitriev

**THE STATUS POSITION OF SIBERIA'S NATIVE PEOPLES ON RUSSIAN DUTY
AT THE END OF 16TH — BEGINNING OF 18TH CENTURIES: STATEMENT OF A PROBLEM**

The article is devoted to studying political and social positions of Siberia's aboriginals, being public servants in Russia from the end of 16th to the beginning of 18th centuries. Using the modern concept of political socialization, the author indicates several models of native Siberian peoples' adaptation to life and service under the Russian authority. It's been established, that we need to pay attention not only to social and political, but also to financial, economical and religious factors in order to estimate the status position of Siberia's aboriginals, who served for Russian powers. This leads us to a conclusion, that Russian state policy regarding Siberian aboriginals during the considered period has been quite flexible, taking into account both the interests of state defence and treasury, and the features of ethnological and political attitude among native Siberian population. It also has clearly accelerated the process of political socialization for the aboriginals.

Keywords: political socialization, state service, aboriginals, powers, Russia, Siberia.